Археологические вести

— 24 —

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

Archaeological news

24
(2018)

SAINT-PETERSBURG
2018

Археологические вести

24
(2018)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2018

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

член-корреспондент РАН Е. Н. Носов (главный редактор), академик РАН В. Л. Янин, академик РАН Н. А. Макаров, Н. В. Хвощинская (зам. главного редактора), О. И. Богуславский, М. Ю. Вахтина, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, В. А. Лапшин, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова

Рецензенты:

кандидат исторических наук В. А. Алёшкин

доктор исторических наук С. И. Кочуркина

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. – 1992. –

Вып. 24 / [Гл. ред. Е. Н. Носов]. – СПб., 2018. – 428 с., ил.

ISSN 1817-6976

В очередной сборник ежегодника ИИМК РАН включены статьи, посвященные новейшим исследованиям в области археологии, истории и культуры. Впервые вводятся в научный оборот материалы, полученные в результате изучения поселений и погребальных памятников от эпохи камня до средневековья на территории Евразии. В ряде статей рассматриваются конкретные археологические комплексы и отдельные категории материала. В специальный раздел сборника включены работы по актуальным проблемам археологии, касающиеся древностей эпохи бронзы и раннего железа Северного Причерноморья и лесостепной зоны Восточной Европы. В сборнике представлены рецензии на новейшую историко-археологическую литературу и информация о прошедшем в октябре 2017 г. V (XXI) Всероссийском археологическом съезде. Отдельный раздел посвящен истории науки. Среди авторов ежегодника – ученые из России, Азербайджана, Казахстана, Молдовы, Франции и Германии.

This yearbook of IIMK RAS includes a collection of articles concerned with the most recent researches in the sphere of archaeology, history and culture. It is the first time that some materials obtained through investigation of settlements and burial sites dating from the Stone Age to the Middle Ages in the territory of Eurasia are scientifically published. In a number of the papers, particular archaeological complexes and categories of finds are discussed. A special section of the collection considers works on the urgent problems of archaeology and antiquities of the Bronze Age and Early Iron Age of the Northern Black Sea Region and forest-steppe zone of Eastern Europe. The present collection presents reviews of the latest historical and archaeological publications and information on the 5th (XXIth) All-Russian Archaeological Congress held in October, 2017. A separate section is dedicated to the history of science. Among the authors of this yearbook there are scientists from Russia, Azerbaijan, Kazakhstan, Moldova France and Germany.

Обложка:

Первая страница – Бронзовая пряжка-пластина из кургана № 43 могильника Ала-Тей 1 (к статье М. Е. Килуновской и П. Леуса)

First page – Bronze plate/buckle from kurgan no. 43 at the cemetery of Ala-Tey 1 (article by M. E. Kilunovskaya and P. M. Leus)

Четвертая страница – Двор Ладожской крепости. Карта вертикального градиента поля аномалий силы тяжести: а – изолинии вертикального градиента поля аномалий силы тяжести; б – линии геофизических профилей; в – буровые скважины (1989 г.); г – фрагменты разрушенных крепостных стен; д – предполагаемые контуры погребенных развалин каменной кладки, обнаруженные при раскопках А. Н. Кирпичникова (к статье Н. В. Григорьевой, В. В. Кошевого, О. Ю. Медведева)

Fourth page – Courtyard of the Ladoga fortress. Map of the vertical gradient of the field of anomalies of the gravitation force; а – isolines of the vertical gradient of anomalies of the gravitation force; б – lines of the geophysical profiles; в – boreholes (1989); г – fragments of the ruined defensive walls; д – presumed outlines of the buried ruins of the stonework found during A. N. Kirpichnikov's excavations (article by N. V. Grigor'yeva, V. V. Koshevoy & O. Yu. Medvedev)

© Институт истории материальной культуры РАН, 2018

© Коллектив авторов, 2018

© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2018

ISSN 1817-6976

СОДЕРЖАНИЕ

Наши юбиляры

К 85-летию Сергея Никитича Астахова	11
К юбилею Надежды Дмитриевны Моисеевой	12
К юбилею Галины Васильевны Сеницыной	13
К юбилею Татьяны Анатольевны Ершовой	14
К 70-летию Николая Анатольевича Боковенко	15
К 70-летию Сергея Степановича Миняева	17

Новые открытия и исследования

<i>С. А. Кулаков.</i> Раннепалеолитическая стоянка Богатыри/Синяя Балка на Таманском полуострове	19
<i>Н. К. Анисюткин, С. А. Кулаков, А. Л. Чепалыга.</i> Исследования местонахождений раннего палеолита на высоких морских террасах Южного Крыма в 2016 г.	33
<i>А. М. Скоробогатов, И. В. Федюнин.</i> Новые материалы палеолита и энеолита на южной границе лесостепного Подонья.	42
<i>С. Н. Разумов.</i> Собака в культовой практике населения Северо-Западного Причерноморья в раннем бронзовом веке	50
<i>В. А. Трифонов, Н. И. Шишлина, А. Ю. Лобода, Н. Н. Колобылина, Е. Ю. Терещенко, Е. Б. Яцишина.</i> Золотые тонкостенные бесшовные бусы из дольмена раннего бронзового века в кургане № 2 у станицы Царская, Северо-Западный Кавказ: технология изготовления и культурно-исторический контекст . . .	68
<i>И. П. Лазаретов, А. В. Поляков.</i> Святилище раннего бронзового века в Туве	83
<i>В. В. Алейников, В. П. Глебов, В. Я. Стеганцева.</i> Погребение с повозкой эпохи средней бронзы в бассейне реки Деркул в Тарасовском районе Ростовской области	94
<i>И. А. Кукушкин, Е. А. Дмитриев, А. И. Кукушкин.</i> Каражартас – новый социально-стратифицированный некрополь бегазы-дандыбаевской культуры (предварительные результаты исследований)	102
<i>С. А. Фидельский, М. В. Иващенко, В. С. Синика.</i> Амфорные клейма средиземноморских центров из поселения Чобручи на левобережье Нижнего Днестра	110
<i>М. Е. Килуновская, П. М. Леус.</i> Новые материалы улуг-хемской культуры в Туве . . .	125
<i>М. М. Казанский.</i> Зооморфные и антропоморфные пряжки и контакты Восточной Прибалтики с Византией в эпоху переселения народов	153
<i>Т. А. Кулиев.</i> Из истории монетного двора Дербента	169

<i>Н. В. Хвоцинская.</i> К интерпретации кладов серебряных гривен в Восточной Европе	182
<i>Н. В. Григорьева, В. В. Кошевой, О. Ю. Медведев.</i> Археолого-геофизические исследования на территории Ладужской крепости (опыт применения метода высокоточной гравиметрии для получения данных о рельефе местности)	190
<i>М. О. Жуковский.</i> Инструменты для взвешивания с граффити из раскопок Новгорода	198
<i>В. В. Яблончук.</i> Топография актов печатей Новгорода XI–XV вв. (по материалам Неревского и Троицкого раскопов)	207
<i>П. А. Милев.</i> Находки деталей ручного огнестрельного вооружения второй половины XV – XVI в. из Старой Ладуги и крепости Орешек в свете восточно- и западноевропейских аналогий	218
<i>Л. М. Дмитренко.</i> Результаты исследования керамики поселения Ла-Пайя (провинция Сальта, Северо-Западная Аргентина) из собрания МАЭ РАН	239

Актуальные проблемы археологии

<i>Р. А. Мимоход.</i> Происхождение и семантика фигурных пряжек эпохи бронзы в Европе и на Кавказе в контексте ближневосточных влияний	249
<i>М. А. Кулькова, М. Т. Кашуба, А. М. Кульков, Н. С. Власенко, Н. А. Гаврилюк, Э. Кайзер.</i> Первые исследования белой пасты для инкрустации керамики раннего железного века в Северном Причерноморье	276
<i>В. И. Козенкова.</i> Заметки о некоторых аспектах и векторе развития кобано-скифских взаимоотношений	290

Обзоры и рецензии

Попытка с негодными средствами, или Непреодоленное непостижимое Winkler-Horaček L. Monster in der frühgriechischen Kunst. Die Überwindung des Unfassbaren (Image & Context. Vol. 4. / Ed. F. Lissarrague, R. Schneider & R. R. R. Smith) Berlin; Boston: De Gruyter, 2015. – ISBN: 978-3-11-018900-1. – 690 S. 241 Abb. (Рец. И. Ю. Шайба)	311
Новые подходы к изучению культурного процесса в Восточной Европе <i>Élite ou Égalité: Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв.</i> / отв. ред. Н. И. Платонова. СПб.: Изд. дом «Бранко», 2017. – ISBN 978-5-903521-50-0 – 310 с. (Рец. А. И. Саксы)	321
Этноконфессиональный иллюстрированный атлас Ленинградской области Этноконфессиональный иллюстрированный атлас Ленинградской области / О. М. Фишман, М. Л. Засецкая, Г. А. Исаченко, Л. В. Королькова, О. А. Красникова, А. И. Терюков и др. СПб.: ИД «Инкери», 2017. ISBN 978-5-903562-79-4 – 656 с. (Рец. В. А. Лапина)	325

Сотрудничество Восток – Запад

<i>С. А. Васильев.</i> V (XXI) Всероссийский археологический съезд (Барнаул–Белокуриха, 1–8 октября 2017)	329
<i>Э. Кайзер, М. Т. Кашуба, О. Н. Щеглова.</i> Первая Международная конференция «Время и материальность: Периодизация и региональная хронология перехода от бронзового к железному веку в Евразии (1200–600 BCE)» (Берлин, 19–21 марта 2018 г.)	333

История науки

<i>Е. Г. Застрожная.</i> К истории изучения античного наследия Крымского полуострова в начале 1920-х гг.	339
<i>А. В. Курбатов.</i> История изучения кожевенного дела средневековой Руси	349
<i>А. А. Пескова, И. В. Антипов, Д. Д. Ёлишин, К. А. Михайлов, А. Е. Мусин.</i> Археология красоты: опыт творческой биографии Марианны Малевской	358
Список научных трудов Марианны Владимировны Малевской-Малевич (составитель Л. М. Всевиов)	372

Персоналии

<i>М. Е. Мазуренко.</i> Лев Михайлович Всевиов	377
<i>Л. М. Всевиов.</i> Издательская деятельность Императорской Археологической комиссии	383
<i>Ю. А. Виноградов.</i> Последнее письмо академика С. А. Жебелёва	401
<i>Ю. А. Виноградов, И. Ю. Шауб.</i> Разбирая архив В. И. Денисовой	405
<i>Ю. А. Виноградов.</i> Два письма из личного архива В. И. Денисовой	411

Хроника

<i>С. А. Васильев.</i> Памяти Василия Прокофьевича Любина (1918–2018)	421
Список сокращений	423

CONTENT

Our jubilees

To the 85 th anniversary of Sergey Nikitich Astakhov	11
To the jubilee of Nadezhda Dmitrievna Moiseeva	12
To the jubilee of Galina Vasil'yevna Sinitsyna	13
To the jubilee of Tat'yana Anatol'yevna Ershova	14
To the 70 th anniversary of Nikolay Anatol'yevich Bokovenko	15
To the 70 th anniversary of Sergey Stepanovich Minyaev	17

New discoveries and studies

<i>S. A. Kulakov</i> . Early Palaeolithic site of Bogatyri/Sinyaya Balka on the Taman Peninsula	19
<i>N. K. Anisyutkin, S. A. Kulakov, A. L. Tchepalyga</i> . Studies of Early Palaeolithic sites on the high marine terraces of Southern Crimea in 2016	33
<i>A. M. Skorobogatov, I. V. Fedyunin</i> . New Palaeolithic and Eneolithic materials from the southern border of the Forest-Steppe Don region	42
<i>S. N. Razumov</i> . Dog in Ritual Practice of the North-Western Black Sea Population of the Early Bronze Age	50
<i>V. A. Trifonov, N. I. Shishlina, A. Yu. Loboda, N. N. Kolobykina, E. Yu. Tereshchenko, E. B. Yatsishina</i> . Gold thin-walled seamless beads from a dolmen of the Early Bronze Age in kurgan no. 2 near the Cossack village of Tsarskaya, Northwestern Caucasus: the technology of manufacturing and cultural historical context	68
<i>I. P. Lazaretov, A. V. Polyakov</i> . Sanctuary of the Early Bronze Age in Tuva	83
<i>V. V. Aleynikov, V. P. Glebov, V. Ya. Stegantseva</i> . Burial of the Middle Bronze Age with a cart in the basin of the Derkul River in Tarasovsky District of Rostov Oblast	94
<i>I. A. Kukushkin, E. A. Dmitriev, A. I. Kukushkin</i> . Karazhartas or a new socially stratified necropolis of the Begazy-Dandybay culture (preliminary results of researches)	102
<i>S. A. Fidelskiy, M. V. Ivashchenko, V. S. Sinika</i> . Amphora stamps of Mediterranean centres from the site of Chobruchi on the left bank of the Lower Dniester	110
<i>M. E. Kilunovskaya, P. M. Leus</i> . New evidence on the Ulug-Khem culture in Tuva	125
<i>M. M. Kazanskiy</i> . Zoomorphic and anthropomorphic buckles and contacts of Eastern Baltic region with the Byzantine Empire in the Great Migration period	153
<i>T. A. Kuliev</i> . From the history of the Derbent mint	169

<i>N. V. Khvoshchinskaya</i> . Interpretation of hoards of silver neck rings in Eastern Europe	182
<i>N. V. Grigor'yeva, V. V. Koshevoy, O. Yu. Medvedev</i> . Geophysical archaeological investigations in the territory of the Ladoga fortress (experiment on application of the method of high precision gravimetry for investigation of the original relief of a site surface)	190
<i>M. O. Zhukovskiy</i> . Weighing instruments with graffiti from excavations in Novgorod ...	198
<i>V. V. Yablonchuk</i> . Topography of official seals in Novgorod of the 11 th –15 th century (finds from the Nerevsky and Troitsky excavations)	207
<i>P. A. Milyaev</i> . Finds of parts of hand firearms of the second half of the 15 th –16 th century from Staraya Ladoga and the fortress of Oreshek in the view of East- and West-European parallels	218
<i>L. M. Dmitrenko</i> . Results of the investigation of pottery from the settlement of La Paya (Salta Province, Northwestern Argentina) from the collection of the Museum of Anthropology and Ethnography RAS	239

Topical Problems of Archaeology

<i>R. A. Mimokhod</i> . The origin and semantics of figured buckles from Bronze Age Europe and Caucasus in the context of Near Eastern influences	249
<i>M. A. Kul'kova, M. T. Kashuba, A. M. Kul'kov, N. S. Vlasenko, N. A. Gavriluk, E. Kaiser</i> . First investigations of white paste for inlaid ceramics of the Early Iron Age from the northern Black Sea littoral	276
<i>V. I. Kozenkova</i> . Essay on some aspects and the vector of development of Koban-Scythian interrelations	290

Review Articles and Book Reviews

An attempt with unfit means or the Unsurmounted inconceivable	
Winkler-Horaček L. Monster in der frühgriechischen Kunst. Die Überwindung des Unfassbaren (Image & Context. Vol. 4. / Ed. F. Lissarrague, R. Schneider & R. R. Smith) Berlin; Boston: De Gruyter, 2015. – ISBN: 978-3-11-018900-1. – 690 S. 241 Abb. (Rev. by <i>I. Yu. Schaub</i>)	311
New approaches to studies of the cultural process in Eastern Europe	
<i>Élite ou Égalité</i> : Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв. / отв. ред. Н. И. Платонова. СПб.: Изд. дом «Бранко», 2017. – ISBN 978-5-903521-50-0 – 310 с. (Rev. by <i>A. I. Saksa</i>)	321
Illustrated ethno-confessional atlas of Leningrad Oblast	
Этноконфессиональный иллюстрированный атлас Ленинградской области / О. М. Фишман, М. Л. Засецкая, Г. А. Исаченко, Л. В. Королькова, О. А. Красникова, А. И. Терюков и др. СПб.: ИД «Инкери», 2017. ISBN 978-5-903562-79-4 – 656 с. (Rev. by <i>V. A. Lapshin</i>)	325

The East–West Cooperation

<i>S. A. Vasil'yev</i> . The V th (XXI) All-Russian archaeological congress (Barnaul–Belokurikha, October 1–8, 2017)	329
---	-----

<i>E. Kaiser, M. T. Kashuba, O. A. Shcheglova.</i> 1 st International conference «Time and materiality: Periodization and regional chronologies at the transition from Bronze to Iron Age in Eurasia (1200–600 BCE)» (Berlin, 19–21 March 2018)	333
--	-----

History of Science

<i>E. G. Zastrozhnova.</i> History of the study of the ancient heritage in the Crimean Peninsula in the early 1920s	339
<i>A. V. Kurbatov.</i> History of studies of leather tanning in mediaeval Rus	349
<i>A. A. Peskova, I. V. Antipov, D. D. Yolshin, K. A. Mikhaylov, A. E. Musin.</i> The archaeology of beauty: essay on the creative biography of Marianna Malevskaya . . .	358
List of scientific works of Marianna Vladimirovna Malevskaya-Malevich (compiler <i>L. M. Vseviov</i>)	372

Personalia

<i>M. E. Mazurenko.</i> Lev Mikhaylovich Vseviov.	377
<i>L. M. Vseviov.</i> The publishing activities of the Imperial Archaeological Commission. . . .	383
<i>Yu. A. Vinogradov.</i> The last letter of the Academician S. A. Zhebelyov	401
<i>Yu. A. Vinogradov, I. Yu. Schaub.</i> Examining the archives of V. I. Denisova	405
<i>Yu. A. Vinogradov.</i> Two letters from V. I. Denisova's personal archives	411

Chronicle

<i>S. A. Vasil'yev.</i> In memory of Vasily Prokofievich Lubin (1918–2018)	421
List of Abbreviations	423

КАРАЖАРТАС – НОВЫЙ СОЦИАЛЬНО-СТРАТИФИЦИРОВАННЫЙ НЕКРОПОЛЬ БЕГАЗЫ-ДАНДЫБАЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ)¹

И. А. Кукушкин, Е. А. Дмитриев, А. И. Кукушкин²

Аннотация. В статье публикуются краткие результаты раскопок могильника Каражартас, где исследованы 12 оград рядовых общинников и крупный мавзолей, сопоставимый с известными грандиозными захоронениями родоплеменной знати бегазы-дандыбаевского социума на могильниках Бугулы 3, Бегазы, Айбас-Дарасы, Сангуыр 1 и Дандыбай, датируемых поздним бронзовым веком. Каражартасский мавзолей выделяется на фоне изученных ранее комплексов своими крупными размерами и сложной пирамидально-ступенчатой архитектурой из 5–6 рядов стен. Они возводились методом строительной кладки с последующей облицовкой по периметру массивными гранитными плитами. Наличие глиняных конструкций сближает исследованный мавзолей с сооружениями Караобы и Северного Тагискена. Полученные материалы отражают сложные этнокультурные процессы смешения различных групп населения на территории Центрального Казахстана.

Annotation. Archaeological investigations at the cemetery of Karazhartas included 12 grave fences of ordinary commoners and a large mausoleum supplementing the series of already known grandiose burials of the tribal elite of the Begazy-Dandybay socium at the burial grounds of Buguly 3, Begazy, Aybas-Darasy, Sanguyr 1 and Dandybay dated to the Late Bronze Age. Karazhartas mausoleum is distinguished among the earlier investigated complexes through its large dimension and its complex stepped pyramid architecture with 5–6 courses of walls. These were constructed using constructional masonry with subsequent facing with massive granite slabs along the perimeter. In its clay structures the investigated mausoleum resembles the installations of Karaoba and Northern Tagysken. The assemblage of artefacts retrieved reflects complicated ethnocultural processes of the mixing of different populations in the territory of Central Kazakhstan.

Ключевые слова: Центральный Казахстан, поздний бронзовый век, бегазы-дандыбаевская культура, социально-стратифицированный мавзолей.

Keywords: Central Kazakhstan, Late Bronze Age, Begazy-Dandybay culture, socially stratified mausoleum.

DOI: 10.31600/1817-6976-2018-24-102-109

В 2016 г. экспедицией Сарыаркинского археологического института при КарГУ им. Е. А. Букетова после более 50-летнего перерыва исследован новый могильник бегазы-дандыбаевской культуры

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке МОН РК (проект № 1344/ГФ4 «Исследование социально-стратифицированных погребальных комплексов Сарыарки в эпоху бронзы».

² Кукушкин И. А. – Республика Казахстан, 100028, Караганда, ул. Университетская д. 28. Сарыаркинский археологический институт при КарГУ им. Е. А. Букетова. E-mail: sai@ksu.kz.

Дмитриев Е. А. – Республика Казахстан, 100028, Караганда, ул. Университетская, д. 28. Сарыаркинский археологический институт при КарГУ им. Е. А. Букетова. E-mail: yevgenii1992@mail.ru.

Кукушкин А. И. – Республика Казахстан, 100028, Караганда, ул. Университетская, д. 28. Карагандинский государственный университет им. Е. А. Букетова, кафедра археологии, этнологии и отечественной истории. E-mail: tatarlandia@mail.ru.

Каражартас, состоящий из крупного мавзолея и периферийных оград, датируемых поздним бронзовым веком. Памятник открыт в 2014 г. разведочным отрядом под руководством И. А. Кукушкина и находится в Шетском районе Карагандинской области, в 100 км юго-восточнее г. Караганда (Центральный Казахстан).

Погребальное поле расположено на относительно ровной площадке обрывистой коренной террасы правого берега р. Талды и насчитывает 41 визуально фиксируемое погребальное сооружение в виде оград подквадратной, прямоугольной, овальной и округлой в плане форм. Сооружение № 1 мавзолейного типа, вокруг которого образовался могильник, занимает центральную часть погребальной площади. Северо-восточнее находится курган с кольцевой оградой и системой округлых жертвенных выкладок раннего железного века.

На южной окраине могильника отмечено несколько погребений этнографической современности.

Археологическими исследованиями были охвачены 13 сооружений (№ 1–13), которые располагались в северной части некрополя. Масштабы раскопанных погребальных конструкций позволяют оценить уровень социальной градации между элитным (№ 1) и рядовыми захоронениями (№ 2–13).

Сооружение № 1 до раскопок имело вид оплывшего земляного холма высотой до 1,5 м и размерами 20 × 30 м. Местами в насыпи фиксировалась стеновая кладка и выступающие края облицовочных плит. Оно исследовалось раскопом площадью 616 кв. м с двумя контрольными пересекающимися бровками (северо-запад–юго-восток и северо-восток – юго-запад). После снятия насыпи погребальный комплекс приобрел вид ступенчато-пирамидальной конструкции подквадратной формы (рис. 1), состоящей из пяти–шести рядов стен, наибольшее количество которых отмечено с северо-восточной

стороны. Каждый последующий ряд стен к центру возвышался над предыдущим. Сооружение ориентировано с незначительным отклонением углами по сторонам света (рис. 2).

Стены мавзолея возведены строительной кладкой из тщательно подобранных камней и облицованы снаружи вертикально установленными плитами. Длина внешнего ряда стены составляет 14 × 14,5 × 14,3 × 13,5 м, высота кладки – до 15 рядов, ширина – до 0,35 м. Дополнительный, шестой ряд длиной 13 м пристроен с северо-востока. Внутреннее пространство между рядами стен забутовано коричневой супесью. С северной, северо-восточной и восточной сторон между завалами камней, на расстоянии до полуметра от облицовочных плит, зафиксирована сильно разрушенная внешняя дополнительная ограда. Она сохранилась на высоту до 0,3 м и была сложена методом строительной кладки.

При снятии насыпи и расчистки стен мавзолея встречались фрагменты лепной посуды, часть

Рис. 1. Мавзолей Каражартас. Вид с северо-востока

Fig. 1. Karazhartas mausoleum. View from north-east

Рис. 2. Мавзолей Каражартас. Вид сверху

Fig. 2. Karazhartas mausoleum. View from above

которых была орнаментирована оттисками зубчатого штампа, образовывавшими геометрические орнаменты в виде заштрихованных пирамидок из треугольников и скошенных прямоугольников. Реконструированные сосуды имели плавную профилировку, округлое плечо, короткую изогнутую или прямую шейку, скругленный венчик. Один из фрагментов имел скругленно-уплощенное дно, которое было покрыто сплошным скошенным шахматно-ромбическим орнаментом, выполненным мелкозубчатым гребенчатым штампом (рис. 3).

Установлено, что внутреннее пространство последнего ряда стен являлось погребальной камерой, края которой имели глиняно-песочную обваловку с примесью золы и достигали в высоту 1,88 м. Таким образом, размеры наземной, слегка заглубленной в скальник могилы составили $4,15 \times 3,25 \times 3,65 \times 4,8$ м. Над погребением, судя по частично сохранившимся плитам перекрытия,

видимо, была устроена вымощенная крупными плитами плоская площадка. Поддерживалось перекрытие каркасно-столбовой конструкцией, остатки которой фиксировались у северного угла могилы в виде крупных фрагментов дерева (жерди?).

В заполнении могилы обнаружены отдельные разрозненные кости человека и животных, мелкие обломки бронзового изделия и фрагменты керамики. Частично реконструированные сосуды имели плавную профилировку, короткую и изогнутую наружу шейку, скругленный венчик. Один горшок в верхней части имел орнамент, выполненный гребенчатым штампом: по шейке – в виде двух наклонно заштрихованных поясков, разделенных неорнаментированными зонами; по плечикам – полосой наклонно заштрихованных равнобедренных треугольников, опущенных вершинами вниз; ниже – неорнаментированная зона, окаймленная снизу трехрядным зигзагом (рис. 3).

Рис. 3. Мавзолей Каражартас. Часть керамической коллекции

Fig. 3. Karazhartas mausoleum. Part of the pottery collection

Сопроводительный инвентарь помимо фрагментированных сосудов представлен выброшенными в древности при ограблении бронзовым наконечником стрелы (рис. 4, 2) и золотым украшением в виде кольца (рис. 4, 1).

В 2,5–3 м от сооружения № 1 располагались **восемь оград прямоугольной и квадратной форм**, пристроенных друг к другу и составлявших единый комплекс. Ограды № 2, № 7–11 возводились вплот-

ную друг к другу и были вытянуты цепочкой вдоль северо-восточной стены мавзолея. Наиболее ранними являются ограды № 8 и № 9, сооруженные из плашмя уложенных камней и плит, с заглубленными в материк погребальными камерами. Позднее к ограде № 9 была пристроена ограда № 10 из вертикально установленных плит и наземным ящиком, а к сооружению № 8 – ограда № 7, возведенная комбинированным способом. Ограды

Рис. 4. Мавзолей Каражартас. Инвентарь: 1 – украшение в виде кольца; 2 – наконечник стрелы; 3 – «якорь»; 4, 5 – иглы; 6 – кинжал

1 – золото; 2–6 – бронза

Fig. 4. Karazhartas mausoleum. Finds: 1 – ring-shaped ornament; 2 – arrowhead; 3 – ‘anchor’; 4, 5 – needles; 6 – dagger

1 – gold; 2–6 – bronze

№ 11 и № 2 завершают ряд погребальных комплексов. Через некоторое время к оградкам № 10 и № 11 с северо-восточной стороны была добавлена *ограда № 12* с нетронутым захоронением, по конструкции аналогичная оградкам № 8 и № 9. Завершенный вид комплекс приобрел с возведением к углу ограды № 2 *ограды № 13*.

Исследованные ограды имели округлую (№ 4 и № 6) или подквадратную форму (№ 3 и № 5) из плашмя уложенных или вертикально установленных плит, с наземным (№ 3) или заглубленными в материк (№ 4–6) каменными ящиками. Практически все захоронения были ограблены в древности, за исключением погребения № 12.

Ограда № 12 имела подтрапецевидную в плане надмогильную конструкцию размерами 3 × 4 м. В центральной части пространства внутри ограды под дерном обнаружены крупные плиты перекрытия могилы, на которых находились кости животных, частично имеющие следы воздействия огня.

Заглубленный в материк ящик сооружен из вертикально установленных плит и ориентирован по линии северо-восток – юго-запад. У юго-западной стенки, под крупным обломком плиты обнаружены ребро крупного животного и четыре целых сосуда, располагавшихся в два яруса друг над другом. На дне расчищены компактно уложенные кости человеческого скелета: череп, направленный лицевым отделом на запад, и длинные кости ног, с двух сторон окаймляющие скопление ребер и позвонков.

Погребальный инвентарь. Изделия из металла могильника Каражартас представлены бронзовыми иглами (рис. 4, 4, 5), пулевидным наконечником стрелы (рис. 4, 2), кинжалом (рис. 4, 6), «якорем» (рис. 4, 3), а также кольцом из золота (рис. 4, 1).

Кинжал двулезвийный, с лавролистным лезвием, длиной 13,5 см и линзовидным в сечении с максимальным расширением 5 см в средней части, толщиной до 0,4 см. По всей длине клинка прослеживается ребро жесткости. Небольшой перехват плавно переходит в кольцевой упор диаметром 1,7 см. Черешок прямоугольный, длиной 4,5 см, имеет заостренно-уплощенную «пятку». Общая длина изделия составляет 19,5 см (рис. 4, 6).

Наконечник стрелы имеет пулевидную форму, две узкие лопасти и втульчатый насад; втулка скрытая. Длина изделия 2,4 см, диаметр втульчатого отверстия – 0,5 см (рис. 4, 2).

«Якорь» крестовидной в плане формы имеет четыре плоские лопасти с приостренными нижними краями, соединенными под прямым углом. Длина изделия – 2,4 см, ширина – 1,2 см, толщина лопастей – 0,2 см (рис. 4, 3). «Якорь» аналогичен изделию из ограды 11 могильника Дандыбай (Грязнов, 1952. Рис. 3, 3), но у последнего имеется длинный уплощенный черешок, обломленный у каражартасского экземпляра. Иные аналогии среди древностей бронзового века степного пояса Евразии авторам не известны.

Довольно редкой находкой является золотое кольцо, диаметром 2 см и шириной до 0,8 см с пятью отверстиями, диаметром 0,5 см (рис. 4, 1), которое не имеет прямых аналогий среди известных украшений. Золотые изделия в связи с сильным ограблением захоронений бегазы-дандыбаевской культуры являются большой редкостью и встречены лишь однажды – в погребении мавзолея Айбас-Дарасы (Маргулан, 1979. Рис. 106).

Полученная в ходе исследования могильника *керамическая коллекция* (более 50 сосудов, в том числе шесть археологически целых – рис. 3) неоднородна. По формально-типологическим признакам в ней выделяются две группы: дандыбаевская и валиковая посуда. Первая характеризуется применением разнообразных орнаментальных мотивов, вторая – упрощенными, схематическими рисунками и присутствием в ряде случаев валика на шейке сосуда.

Проведенный технико-технологический анализ показал, что керамика могильника Каражартас была изготовлена гончарами, принадлежавшими к четырем группам населения с разными гончарными традициями. Между этими группами проходили процессы смешения, нашедшие отражение в смешанных рецептах формовочных масс (глина + дресва + органика – 37,5 %; глина + дресва + навоз – 31,2 %; глина + шамот + навоз – 6,3 %; глина + дресва + шамот + навоз – 18,7 %; глина + органика – 6,3 %) и приемах конструирования (донно-емкостная – 75,9 %; емкостная – 24,1 %). Так, 30,9 % сосудов первой технологической схемы изготавливались в формах-емкостях с округлым дном, и поэтому сами имели первоначально округлое дно, которое затем уплощалось путем примазывания снаружи глиняного диска. В подражание этому приему у 25,4 % сосудов четвертой технологической схемы днища были оформлены подобным образом.

Статистические подсчеты показывают, что основную, доминирующую группу составляло население, гончары которого при конструировании сосудов применяли первую технологическую схему и составляли формовочную массу по рецепту «среднежелезненная глина + средняя дресва в концентрации 1: 5 + навоз в небольшой концентрации».

Следует отметить особенности технологии изготовления сосудов дандыбаевской группы, которые использовали одну и ту же рецептуру (мелкая дресва и органический раствор) и способ конструирования полого тела (лоскутно-комковатый из двух слоев лоскутов). При формообразовании применялось выбивание. После подсушки поверхность обрабатывалась лощением. Совпадение гончарных традиций свидетельствует о происхождении дандыбаевской посуды из одного источника.³

Соотношение дандыбаевской и валиковой керамики составляет одну из основных проблем бегазы-дандыбаевской культуры, в решении которой предложено несколько точек зрения. Здесь отметим, что материалы могильника Каражартас позволяют констатировать, что обе группы керамики, во-первых, синхронны, во-вторых, сопряжены в пределах не только одного могильного поля, но и в одном сооружении и погребении, образуя органичный симбиоз. На сосуществование и принадлежность к одной археологической культуре памятников с дандыбаевской и валиковой керамикой неоднократно указывал В. В. Варфоломеев (2003; 2005), что подтверждается нашими исследованиями.

Погребальный обряд могильника Каражартас сопоставим с данными других бегазы-дандыбаевских комплексов Сарыарки (Варфоломеев, 2003. С. 272). Исключение составляют сооружения № 6 и № 11, где обнаружены обожженные человеческие кости или неполные кремации, что позволяет предполагать связь с предшествующей фёдоровской культурой. Показательно наличие неполного сожжения, что является локальной особенностью фёдоровской культуры Центрального Казахстана (Евдокимов, Варфоломеев, 2002. С. 37).

По **параметрам внешней погребальной структуры** каражартасский мавзолей сопоставим с ранее исследованным и считавшимся самым большим комплексом Бугулы 3, внешние размеры которого составляют 15 × 15 м (Маргулан, 1979. С. 102). Каражартасский мавзолей на момент раскопок в некоторых местах имел значительные разрушения из-за неоднократных ограблений, что привело к уменьшению первоначальных размеров и формы надмогильной конструкции. Учитывая первоначальную

³ Технико-технологический анализ керамики провел к. и. н. В. Г. Ломан.

чальную квадратную форму мавзолея, можно полагать его первоначальные размеры где-то $14,5 \times 14,5$ м, а наличие внешней ограды перед основной надмогильной конструкцией делает его наиболее крупным из всех известных подобных памятников. Стены каражартасского мавзолея возводились из специально подобранных камней с высотой кладки до 15 рядов (например, на Бугулы 3 кладка не превышала девяти рядов). Наблюдается на раскопанном памятнике и более сложная архитектура с пятью–шестью рядами вписанных друг в друга стен, тогда как изученные ранее комплексы имели не более двух–трех рядов стен – Бегазы, Сангуыр 1, Дандыбай (*Кызласов, Маргулан, 1950; Грязнов, 1952; Маргулан, 1979*).

Необычна конструкция погребальной камеры с глиняно-песочной обваловкой с примесью золы. Не исключено, что это остатки сырцово-саманных стен. Здесь можно указать на некоторое сходство с комплексами Северного Тагискена (Приаралье) (*Итина, Яблонский, 2001. С. 104–105*) и Караобы (Семипалатинское Прииртышье) (*Мерц, 2013*), которые также имели глиняные конструкции. С последним комплексом прослеживается сходство и в технике нанесения орнамента (Там же. Рис. 2, 2, 3, 7; 3, 1; 4, 6). По своим параметрам могила также является крупнейшей (см. выше), превышая погребение бугулинского мавзолея, имевшего размеры $4,1 \times 4,1$ м (*Маргулан, 1979. С. 104*).

Представляется, что пирамидальность и ступенчатость, как и квадратная в плане форма бегазы-дандыбаевских мавзолеев, являются исходными признаками архитектурного стиля носителей данной культуры. Этот стиль в том или ином варианте прослеживается на всех исследованных памятниках – Каражартас, Бугулы 3, Бегазы, Айбас-Дарасы, Сангуыр 1, Дандыбай. Неслучайным видится и компактное сосредоточение крупнейших на сегодняшний день мавзолеев на ограниченной территории. Такая концентрация позволяет рассматривать Центральный Казахстан как крупнейший центр бегазы-дандыбаевской культуры, так как возведение

грандиозных погребальных сооружений требовало консолидации человеческих и материальных ресурсов крупных племенных объединений.

Вопрос датировки бегазы-дандыбаевской культуры остается сложным. Несмотря на длительную историю ее изучения, отсутствует разработанная внутренняя хронология, позволяющая соотносить поселенческие и погребальные комплексы.

Обнаруженный в погребении ограды № 6 могильника Каражартас кинжал с кольцевым упором близок по форме к группе I типологии данных изделий. Наиболее ранние экземпляры имеются в материалах Лобойковского клада, продолжая бытовать до XIII–XII вв. до н. э., а в Восточной Европе – и в белозерской культуре, XII–X вв. до н. э. (см. *Подобед и др., 2009*). В Центральном Казахстане известен один экземпляр I группы, происходящий из поселения Кент (*Бейсенов и др., 2014. Рис. 40, 9*). Не противоречит этой датировке обнаруженный на могильнике Каражартас пулевидный втульчатый наконечник стрелы, аналогии которому широко известны в комплексах позднего бронзового века Чекановский Лог I (*Ситников, 2015. Рис. 84, 8*), Измайловка (*Ермолаева, 2012. Рис. 61, 3*), Северный Тагискен (*Итина, Яблонский, 2001. Рис. 123, 3–8*) и Кент (*Бейсенов и др., 2014. Фото 31, 8*).

Радиоуглеродные определения, полученные для могильника Каражартас в лаборатории CHRONO Королевского Университета, г. Белфаст (Северная Ирландия) (1 сигма, 68,3 % – 1514–1435 (1000); 2 сигма, 95,4 % – 1608–1581 (0,067), 1562–1414 (0,933)), с учетом аналогий металлическим изделиям, позволяют датировать исследованные комплексы XVI/XV–XIV вв. до н. э. Исследованный памятник является одним из наиболее ранних бегазы-дандыбаевских некрополей Центрального Казахстана, что подкрепляется зафиксированным неполным сожжением костей умерших, являющимся, видимо, пережитком фёдоровского обряда посмертного обращения с телом.

Бейсенов и др., 2014 – Бейсенов А. З., Варфоломеев В. В., Касеналин А. Е. Памятники бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. Алматы, 2014.

Варфоломеев, 2003 – Варфоломеев В. В. Культура валиковой керамики Алтайско-Казахстанских степей // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003.

- Варфоломеев*, 2005 – *Варфоломеев В. В.* Бегазы-дандыбаевский феномен и карасукская культура // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Красноярск, 2005.
- Грязнов*, 1952 – *Грязнов М. П.* Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане // СА. 1952. Т. XVI.
- Евдокимов, Варфоломеев*, 2002 – *Евдокимов В. В., Варфоломеев В. В.* Эпоха бронзы Северного и Центрального Казахстана. Караганда, 2002.
- Ермолаева*, 2012 – *Ермолаева А. С.* Памятники предгорной зоны Казахского Алтая (эпоха бронзы – раннее железо). Алматы, 2012.
- Итина, Яблонский*, 2001 – *Итина М. А., Яблонский Л. Т.* Мавзолеи Северного Тагискена. Поздний бронзовый век Нижней Сырдарьи. М., 2001.
- Кызласов, Маргулан*, 1950 – *Кызласов Л. Р., Маргулан А. Х.* Плиточные ограды могильника Бегазы // КСИИМК. 1950. Т. XXXII.
- Маргулан*, 1979 – *Маргулан А. Х.* Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1979.
- Мерц*, 2013 – *Мерц В. К.* Бегазинский комплекс из Караоба (Семипалатинское Прииртышье) // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии. Алматы, 2013.
- Подобед и др.*, 2009 – *Подобед В. А., Усачук А. Н., Цимиданов В. В.* Ножи эпохи поздней бронзы с кольцевым упором из Центральной Азии и Сибири и их западные аналогии // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск, 2009.
- Ситников*, 2015 – *Ситников С. М.* Культура саргаринско-алексеевского населения лесостепного и степного Алтая. Барнаул, 2015.

Karazhartas or a new socially stratified necropolis of the Begazy-Dandybay culture (preliminary results of researches)

I. A. Kukushkin, E. A. Dmitriev, A. I. Kukushkin

In 2016, an expedition of the Saryarka Archaeological Institute of the E. A. Buketov Karaganda State University first after an over 50-year interruption investigated a new grandiose burial complex of a mausoleum of the Begazy-Dandybay culture and 12 peripheral grave fences at the cemetery of Karazhartas. The structures under study demonstrate an essential level of social and property differentiation between the elite and ordinary burials expressed in objects of the funerary installation, the richness and diversity of the accompanying grave goods.

Karazhartas mausoleum had a complex stepped pyramidal construction of nearly square plan ($14 \times 14,5 \times 14,3 \times 13,5$ m) consisting of five main walls and a supplementary one added from the north-east. Facing granite slabs were installed along the external perimeter of the walls constructed in masonry up to 15 courses in height. The internal space of the last row of walls served as the border of the surface burial chamber slightly recessed down into the rock ($4,8 \times 3,25 \times 3,65 \times 4,15$ m). The edges

of the grave had a border of clay and sand likening the complex under study to the investigated structures at the cemeteries of Karaoba and Northern Tagisken. Above the burial, roofing was built in the form of an even area paved with slabs and probably once supported from inside by means of a frame and pillar construction.

Metal objects uncovered among the grave offerings from the cemetery are represented by bronze needles, a bullet-like arrowhead, a dagger, an 'anchor', a ring-shaped gold ornament. The rich ceramic collection numbers over 50 vessels including six 'archaeologically complete' examples. Through formal typological features it is divided into two groups: Valikovaya and Dandybay types.

The series of radiocarbon dates defined and analogues of metal objects allow us to date the studied burial structures of the cemetery of Karazhartas to the 16/15th or 14th century BCE considering it as one of the earliest Begazy-Dandybay sites in Central Kazakhstan.